

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 91–101.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 2 (75). P. 91–101.

Научная статья
УДК 94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_91

РЕЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА В НОГАЙСКИХ СТЕПЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1930-Е ГГ.

Джумагулова Айгуль Темерхановна

Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки),
г. Ессентуки, Россия
aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

Аннотация. В публикации представлена проблема рецепции советского проекта в среде кочевых, полукочевых и переходящих к оседлому состоянию ногайцев, проживавших в степной зоне Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. Несмотря на солидную историографию по истории взаимоотношений между социалистической властью и кочевыми народами, особенности реализации большевистского проекта в ногайской среде не становились предметом отдельных исследований, что обуславливает новизну нашего исследования. Немаловажное значение в решении исследовательской работы занимает изучение влияния природно-климатических факторов на трансформацию хозяйственной деятельности ногайцев в 1920–1930-е гг. Основной источниковой базой выступили материалы, извлечённые из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Рецепция советского проекта в ногайских степях ярко конструирует образ эпохи социалистических перемен, начатых в 1920-х гг. в РСФСР. Разруха и голод преодолевались одновременно со строительством советской административной, политической и хозяйственной систем. Феномен советизации ногайцев Северного Кавказа характеризовался административно-территориальной организацией управления ногайцами, созданием административно-управленческого аппарата, нацеленного на социалистические преобразования среди ногайцев, модернизацию традиционных форм экономики путём седентеризации населения, развития новых форм хозяйствования. Советизация во всех её проявлениях протекала неравномерно в Ногайской степи. Ногайцы Ачикулакского района быстрее адаптировались к новым условиям жизни, чем ногайцы Караногайского района, в общем они во многом повторяли тенденции, характерные для кочевых обществ страны в первой четверти XX столетия.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, Северный Кавказ, ногайцы, кочевники, советский проект, национальная политика, трансформация жизни кочевников, оседлость, седентеризация, природно-климатический фактор

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Джумагулова А. Т. Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 91–101. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_91.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

IMPLEMENTATION OF THE SOVIET PROJECT IN THE NOGAI STEPPES
OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920s–1930s

Aigul T. Dzhumagulova

Stavropol State Pedagogical Institute (branch in Yessentuki), Yessentuki, Russia
aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

Abstract. The publication presents the problem of reception of the soviet project among nomadic, semi-nomadic and sedentary Nogais who lived in the steppe zone of the North Caucasus in the 1920s–1930s. Despite the solid historiography on the history of relations between the socialist government and nomadic peoples, the specifics of the implementation of the bolshevik project in the Nogai environment did not become the subject of separate studies, which determines its novelty. The influence of natural and climatic factors on the transformation of the economic activity of the Nogais in the 1920s–1930s is of great importance in solving the research work. The main source base was materials extracted from the State archive of the Russian Federation (GARF) and the Russian state archive of socio-political history (RGASPI). The reception of the soviet project in the Nogai steppes vividly constructs the image of the era of socialist changes begun in the 1920s in the RSFSR. Devastation and famine were overcome simultaneously with the construction of the Soviet administrative, political and economic system. The phenomenon of sovietization of the Nogais of the North Caucasus was characterized by the administrative and territorial organization of the Nogais' management, the creation of an administrative and managerial apparatus aimed at the socialist

transformation of the Nogais, the modernization of traditional forms of economy through the sedentarization of the population, the development of the agricultural sector in agriculture and animal husbandry. Nevertheless, these processes proceeded unevenly in the steppe. Nogais of the Achikulak district adapted to the new living conditions faster, while Nogais of the Karanogai district repeated the trends characteristic of the nomadic societies of the country in the first quarter of the XX century.

Keywords: USSR, RSFSR, North Caucasus, Nogais, nomads, soviet project, national policy, transformation of nomadic life, sedentarization, sedentarization, natural and climatic factor

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Dzhumagulova A. T. Implementation of the soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s–1930s. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 91–101. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_91.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Исследование проблемы «советского проекта», реализуемого центральными государственными властями в 1920–1930-е гг. на региональном уровне, является актуальным направлением как в отечественной, так и зарубежной историографии. Под рецепцией «советского проекта» мы рассматриваем модернизационные планы и процессы советской власти в ходе формирования социалистического общества как определённого исторического феномена [34, с. 70]. Вопросы истории отдельных кочевых народов в контексте реализуемых мер большевистской властью в политической, экономической, социальной и культурной жизни обусловлены задачей осмыслить значение, место и роль государства и природно-климатических факторов на особенности трансформации жизни кочевых народов Юга России в 1920–1930-е гг.

Целью работы является освещение, анализ основных мер, воплощённых в годы социалистической реконструкции, центральными и региональными властями в хозяйственной и общественной жизни ногайцев Северного Кавказа в вышеуказанные годы.

Объектом исследования является региональный вариант советского проекта в Ногайской степи как объект и пространство экономических и социальных преобразований, а предметом — специфика реализации модернизационных процессов в регионе в 1920–1930-е гг.

Исследование непростого для кочевых народов периода, наполненного неоднозначностью и драматизмом, выполнено с опорой на научные принципы историзма и объективизма. Методологической базой выступают: историко-системный метод, позволивший изучить специфику реализации советского проекта в среде кочевых народов в 1920–1930-е гг.; ретроспективный метод, представивший характерные особенности экономического положения ногайцев в первые десятилетия советской власти, на основании вводимых архивных материалов; статистический метод, позволивший проанализировать и сопоставить данные основных хозяйственных отраслей ногайцев; хронологический метод, продемонстрировавший специфику седентеризации кочевых и полукочевых ногайцев к оседлым формам жизни, ставшего оригинальной реализацией большевистского проекта в 1920–1930-е гг.

Материалы и источники

По политико-идеологическим соображениям настоящая проблема долгое время находилась на периферии исторического поиска. Первой попыткой анализа стала работа Л. Н. Кужелевой «Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев» [16]. Автор рассматривает изменения, происшедшие в кочевническом обществе, как позитивные социалистические преобразования в жизни вымирающего народа. Важным исследованием в этом направлении стала работа А. А. Усенбаева [33]. Автор отмечает, что в начале XX в. переход к оседлости у ногайцев, а вместе с тем и к занятию земледелием тормозился отсутствием опыта по обработке песчаных и сланцеватых земель, характерных для Ногайской степи. Отдельные аспекты этой исторической эпохи отражены в исследованиях Д. С. Кидирниязова [14], Д. Ш. Рамазановой [18] и др. [5; 11; 15].

Проблема трансформации жизни кочевых народов, вошедших в состав СССР, представлена в трудах Ф. Л. Сеницына. «Погоней за населением» и «советизацией кочевых регионов» называет исследователь те тенденции, которые воплощались большевиками в период трансформации жизни кочевых народов в 1920–1930-е гг. [28–30]. Особенности реализации «советского проекта» на территории Северного Кавказа прослежены в трудах С. А. Хубуловой [34]. Автор отмечает, что стратегические планы, реализуемые местными властями в полиэтничном северокавказском регионе, по отношению к народам, находящимся на разном социально-экономическом и культурном уровнях, зачастую реализовывались на местах с большими издержками, и не всегда давали те результаты, на которые рассчитывала центральная власть, вызывая напряжение и отрицание в обществе. Особенности осуществления советского проекта в среде этнических кочевых общностей, проживавших на территории Казахской АССР, освещены в монографии и публикациях

Д. А. Аманжоловой [1; 2]. Взаимоотношения власти и общества, влияние природно-климатических факторов на хозяйственные отрасли калмыков исследованы в трудах Е. Н. Бадмаевой [3; 4].

Источниковой базой нашего исследования выступают архивные сведения, извлечённые и вводимые в научный оборот, из:

1) Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ):

- фонд Р-1318 «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (НА РКМнац РСФСР)», дело «Переписка представительства Дагестанской АССР с НА РКМнацем о созыве Чрезвычайного съезда представителей караногайского, ногайского и туркменского народов о присоединении к Дагестану» (дело 100) [6];

- фонд Р-1235 дело «О хозяйственном и социально-культурном положении полукочевого населения Дагестанской АССР» (дело 1735) [7], дело «О передаче Кизлярского, Ачикулакского, Каясулинского, Караногайского и Шелковского районов из Дагестанской АССР в Орджоникидзевский край» (дело 2152) [8];

- фонд Р-5446 «Совет министров СССР» дело «Об освобождении ногайского народа в течение трёх лет от уплаты с/х налога» (дело 397) [9].

2) Российского государственного архива социально-политической истории (далее РГАСПИ):

- фонд 17 «Центральный комитет КПСС» дело «Доклады, информационные письма, обзоры и сводки, составленные инструктором Центрального комитета Ставропольского губкомом РКП(б)» (дело 988) [19], дело «Отчёты, доклады, сведения, планы Ставропольского губкома РКП(б)» (дело 989) [20]; дело «Отчёты и сведения Кизлярского окружкома РКП(б)» (дело 1107) [21]; дело «Протоколы заседаний Свято-Крестовского укома РКП(б) Терской губернии» (дело 1113) [22] и др. [23–27].

Изучение и анализ представленных материалов позволили показать особенности становления административных районов в ногайских степях, разрешение в условиях социалистического строя земельного вопроса, процесс седентеризации кочевого населения, а также особенности социалистического строительства и кооперативных планов в степи, обусловленных сложными природно-климатическими факторами.

Результаты исследования и обсуждение

В начале XX в. ногайцы проживали на территории Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областях. Большой частью они практиковали традиционное занятие кочевым или полукочевым скотоводством. Часть ногайских обществ, перешедших к оседлым формам жизни, практиковала отгонное животноводство и незначительное земледелие. Революцию 1917 г. ногайское население приняло неоднозначно, а сам процесс установления новой советской власти на территории, населённой ногайцами, проходил с большими трудностями. Тем не менее, в декабре 1917 г. население ногайских приставств поддержало советскую власть. В Ачикулаке был организован ревком, а также несколько советов в ногайских аулах. Однако в годы Гражданской войны на Северном Кавказе эти советы перестали существовать. С марта 1920 г. на территории, населённой ногайцами, был создан Исполнительный комитет Ачикулакского райсовета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Началось восстановление советской власти в степи [12, с. 459–464]. Ногайцы бывшего Ачикулакского приставства вошли в состав Ачикулакского района на правах районной волости в составе Свято-Крестовского уезда, Караногайское приставство составило Караногайскую волость в составе Кизлярского уезда, согласно решению, утверждённому губернским административным совещанием Губисполкомом и Крайэкономсоветом Юго-Восточной России [6, л. 8–9]. Перепись 1920-х гг. показала в Караногайской волости 13 аулов, ставку, численность населения в 29 273 человек [6, л. 2–2 об.]. В Ачикулакском районе числилось 23 аула, одна ставка [6, л. 3], население составляло 10 492 человека [20, л. 11].

Годы Гражданской войны нанесли огромный ущерб ногайцам. Местная пресса отмечала, что «эти племена, умирающие от голода, будто обречены на поголовное вымирание, если не будут приняты срочные меры к спасению их» [32, с. 7–8]. Социально-экономическое положение ногайцев в годы Гражданской войны было довольно тяжёлым. С 1917 по 1919 г. свирепствовавшая среди ногайцев эпидемия тифа унесла множество жизней. Проходящие по ногайской территории многочисленные бандитские группировки, орудовавшие на южных рубежах страны, отбирали у ногайцев скот и прочие запасы. «Уголовный бандитизм, с бесконечным количеством мелких шаек» [19, л. 21] беспокоил ногайцев и после утверждения Советов в степи. Затем на территории их проживания последовал ряд неурожайных лет. Засуха 1920 и 1921 гг. довела ногайцев до крайней нищеты и разорения. Сводки о смертях от голода и голодающих детях постоянно поступали в центр [20, л. 13]. Негативные общественные настроения против советской власти формировалось на фоне проводимых большевиками непрекращающихся продовольственных компаний в регионе. Для выполнения мясной разверстки 1920–1921 гг. у населения принудительным образом отбирали каждую пятую голову крупного рогатого скота, каждую третью голову овец [17, с. 300–306]. Кочевниками-ногайцами положительно воспринимались борьба с голодом и посевная кампания 1921–1922 гг. Экономическое обнищание ногайцев выражалось прежде всего в сокращении поголовья скота. По сравнению с дореволюционным временем количество крупного рогатого скота у ногайцев Ачикулакского района сократилось на 95,75 %, овец — на 97 %, лошадей — на 84 %, а размеры посевов с 6 000 упали до 2 000 десятин земли. В 1920-е гг., в период голода, переселение русских в ногайские степи приняло массовый

характер. «В настоящее время туда переселяется множество казаков, выселяемых из других областей Кавказа», — отмечалось в сводках [19, л. 25]. К примеру, в ауле Мангит Ачикулакского района первые русские-переселенцы появились в 1916 г., а уже к 1921 г. аул превратился в Русский Мангит, т. к. там не осталось ни одного ногайца [15, с. 464]. Большинство ногайцев ввиду тяжёлого материального положения вынуждены были заниматься батрачеством, поступать в работники к окружающему русскому населению, которое, будучи малочисленнее, чем ногайцы, владело 9 000 гол. скота, 17 000 овец, 4 500 лошаадьми и засевало 16 000 десятин земли, большая часть из которых была занята самовольно [9, л. 1].

Перспективы реформирования уклада ногайцев обсуждались на мусульманской беспартийной конференции, проходившей с 26 по 28 ноября 1921 г. в г. Кизляре. Представители советской власти рьяно и настойчиво склоняли ногайцев к переходу в оседлое состояние. Так, докладчик Матвеев заявлял: «Соввласть призывает всех кочующих и отсталых народов к сплочению и устройству оседлой жизни. Она не старается эксплуатировать народ, а наоборот старается устроить их... Обеспечить всеми правами свободы, поднять уровень самоорганизации и как можно сократить вымирание мелких народов» [21, л. 35]. С докладчиком Макеева по вопросу землеустроительной политики выступал ногаец Менглигулов, утверждавший: «Нет у нас теперь тех богатств, которые были до революции, нет теперь тех огромных количеств скота, овец и лошадей. Нам нужно теперь землеустроиться, нужно теперь заниматься земледелием. Нет тех количеств шерсти для покрытия наших кибиток, а посему мы должны перейти на оседлый земледельческий образ жизни» [21, л. 35]. Помимо земельной проблемы на конференции активно обсуждался религиозный вопрос. Ногайцы просили разъяснений по поводу возможности использования норм шариата в решении бракоразводных и имущественных процессов [21, л. 34]. В целом на начальных этапах утверждения советской власти в степи, в общественной жизни ногайцев сильных изменений не происходило [21, л. 34–35; 14, с. 38–42].

В составе Свято-Крестовского уезда ногайцы 20–21 декабря 1921 г. провели I съезд мусульман-ногайцев Ачикулакского района, на котором обсудили вопросы новой экономической политики, реализуемой большевиками в степи, помощь голодающим, борьбу с бандитизмом и прочие проблемы. Делегатам разъясняли особенности строительства и реализации первого плана «мирной хозяйственности» [22, л. 70] в степи, в частности, особенности замены продразверстки продналогом. На съезде также активно обсуждались вопросы религии, шариата, калыма [22, л. 70]. Наибольшей дискуссии на съезде вызвал вопрос помощи голодающим. Представители советской власти агитировали организовать на местах комитеты взаимопомощи и призывали ногайский народ «помочь голодающим братьям» [22, л. 70] Поволжья и республики. В ответ съезд единогласно принял следующую резолюцию: «в этом году мы совершенно остались без урожая, оказали бы голодающим Поволжья существенную помощь, поэтому мы, ногайцы Ачикулакского района, обязуемся оказать помощь только своим голодающим и просим как можно скорее организовать К-т взаимопомощи, как в районе, так и в ауле. Кроме того, просим снять в этом году с нас продналог потому, что третья часть жителей нашего района совершенно голодают» [22, л. 70]. На съезде также рассматривался вопрос борьбы с бандитизмом в степи. Ногайцы просили большевиков вооружить надёжных лиц каждого аула, т. к. «кроме бандитов есть грабители и везде для уничтожения которых нужна вооружённая сила ногайцев» [22, л. 70].

С образованием Горской автономной социалистической республики была выделена Терская губерния, в которую вошла территория Ногайской степи. 11 августа 1921 г. на основании постановления ВЦИК Ачикулакский район был передан из Ставропольской губернии в состав Терской губернии. Караногайцы были отнесены к Кизлярскому округу, а ачикулакские ногайцы — к Прикумскому уезду [20, л. 11]. Вопрос административного устройства ногайцев был решён формально, без учёта пожеланий самих ногайцев. Несмотря на то, что подчинение ногайцев Терскому губисполкому носило формальный характер, тем не менее Ногайский районный исполнительный комитет не мог самостоятельно решать вопросы хозяйственного и культурного характера. Ногайский РИК обратился с просьбой к правительству Горской автономной социалистической республики принять ногайцев в состав республики. Однако правительство не дало согласия, и Исполком обратился с аналогичной просьбой к правительству Дагестанской автономной социалистической республики. Правительство Дагестана не возражало принять ногайцев и караногайцев в состав республики, т. к. это, во-первых, давало возможность «расширить площадь пастбищных земель, которых так мало в Дагестане» [6, л. 11], во-вторых, «присоединение береговой части Караногая» значительно могло увеличить полосу рыбных промыслов на Каспийском море [6, л. 11]. Ввиду неполучения окончательного мнения Терского губисполкома и Горской Республики и других органов по вопросу о возможности включения территории ногайцев и караногайцев к Дагестанской Республике, 13 февраля 1922 г. ВЦИК предложил созвать съезд ногайцев и караногайцев [6, л. 17]. 11 апреля 1922 г. в ставке Ачикулак открылся съезд караногайского, ногайского и туркменского народов, на котором присутствовало 65 делегатов с правом голоса. По вопросу административного устройства имели место разные течения: объединение ногайцев, караногайцев и туркмен в автономную область; присоединение к одной из прилегающих республик: Дагреспублике, Горреспублике, Тергубернии и Кабарде. Также звучали идеи объединения

с калмыками в союз турко-монгольских народов [6, л. 24]. Победила ориентация присоединения к Дагестану после зачитанного на съезде доклада председателя ногайцев С. А. Шабанова, указавшего на «отрицательные стороны большинства предложенных путей» [6, л. 33] и предложившего объединить три этнических районов в одну административную единицу в виде округа на правах уезда и присоединиться к Дагестанской Республике [6, л. 33].

По земельному вопросу на съезде выступил Луценко, предрайисполкома Ачикулака, который констатировал, что часть ногайских степей была самовольно занята некоторыми русскими крестьянами с целью сокрытия хлеба и скота. Съезд принял решение произвести учёт земли и населения, провести подготовительную работу для проведения надела землей ногайцев, караногайцев и туркмен.

По вопросу о голоде в ногайских аулах выступил ногаец Карабулатов, который указал на чрезвычайно тяжёлое положение голодающих в степях. Съезд признал 60 % населения караногайских, ногайских и туркменских народов голодающими и просил органы советской власти оказать им помощь [6, л. 33].

Правительство Дагестанской Республики обратилось с просьбой в НА РКомат по делам национальностей решить вопрос об административном устройстве ногайцев [18, с. 50–51]. 16 ноября 1922 г. ВЦИК принял постановление включить в состав Автономной СС Дагестанской Республики часть Кизлярского округа с г. Кизляром и Ачикулакский район Прикумского уезда Терской губернии. Границы присоединяемой территории определялись следующим образом: с севера — существующая граница с Автономной Калмыцкой областью, с северо-запада — р. Кума, с запада — граница Ачикулакского района, на юго-западе граница юртовых наделов казачьих станиц, оставляемые в Терской губернии (юртовая граница станицы Александрово-Невской исключительно и земли г. Кизляра включительно), на юге — существующая граница с республикой [6, л. 54].

Для восстановления и развития хозяйства в ногайских районах местным властям прежде всего необходимо было решить земельный вопрос и проблему кооперирования населения. Дело в том, что вопрос кооперирования кочевых хозяйств в то время стоял особенно остро, т. к. традиционные отрасли экономики находились в бедственном положении. Создание кооперативов на ногайских землях чаще всего происходило по территориальному или родовому признаку, поскольку они охватывали большие поселенческие пространства и улучшали продовольственное снабжение на местах.

Вопрос землеустройства и землепользования у ногайцев также был запутан — происходили частые споры между ногайскими, туркменскими и русскими поселениями. В апреле 1925 г. начала работать комиссия по наделу землей в Караногайском и Ачикулакском районах [16, с. 85]. 6 сентября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о сплошном и обязательном землеустройстве автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики» [10]. Учитывая специфику и многообразие форм ведения хозяйства в Дагестане, в «Положении...» было конкретно указано на землеустройство земледельческих и скотоводческих хозяйств. В документе особо выделены кочевники-скотоводы: «В порядке настоящего землеустроительного действия... отвод страховых площадей пахотных и сенокосных угодий на случай бескормицы у кочевников и полукочевников скотоводов; отвод дополнительных общественных наделов в плоскостных районах для малоземельных селений ближайших местностей: образование отдельных участков, пригодных для ведения оседло-земледельческих и смешанных хозяйств и со скотоводческой отраслью для населения, переходящего от кочевок к оседлому состоянию» [10].

В ногайских степных районах далеко не вся площадь могла быть использована для земледелия и пастбищ. Поэтому для проведения указанного «Положения...» в жизнь необходимо было тщательно изучить и учесть качество и количество земель в республике. При наделе землей в ногайских районах руководствовались четырнадцатым пунктом «Положения...»: «Хозяйства, занимающиеся скотоводством или скотоводством и земледелием, кроме постоянных земельных наделов, обеспечиваются пастбищами, которые предоставляются в ближайших к этим хозяйствам районах, по преимуществу из состава земель, пригодных только для пастбищного использования» [10].

Были определены следующие нормы надела землей в Ногайской степи (табл. 1):

Таблица 1 — Нормы надела на одного едока, в га [16, с. 87]

районы	пашня	сенокос	выгон	всего
Ачикулакский	2,30	0,80	6,90	10
Караногайский	0,5	1,50	18,0	20,0

Несмотря на ряд трудностей, вызванных занятием земли крестьянами и казаками, комиссия по землеустройству сработала успешно. За 1925–1926 гг. в Ачикулакском районе было нарезано около 5 000 приусадебных участков [16, с. 87]. Ачикулакский район располагался на равнине, его площадь составляла 450 000 десятин земли. «Обнажена, безлесна, безводна и почти негодна для хлебопашества... почва глинистая и песчаная», — так описывались особенности природно-климатических условий Ногайской степи в 1920-х гг. [32, с. 8]. Пригодными для занятия земледелием в Ачикулакском районе являлись 212 000 десятин земли, 150 000 — составляли пастбища и 58 000 — пески.

Ногайцы Ачикулакского приставства стали переходить к полуседлой форме жизни ещё со второй половины XIX в., практикуя занятия как традиционным скотоводством, принявшего отгонно-пастбищную форму животноводства, так и земледелием [11, с. 385–385]. При этом ногайцы, проживавшие в восточной части района, продолжали вести кочевой образ жизни, так как земли, населенные ими, были совершенно непригодны для земледелия. Прошедшие годы Гражданской войны привели к резкому сокращению количества скота в районе, а это вело к расширению иных видов хозяйственной деятельности, и в первую очередь — земледелия. Так, посевная площадь в районе к 1925 г. увеличилась на 81,6 %, по сравнению с 1920 г. [16, с. 88].

В Ачикулакском приставстве ещё в 1916 г. было организовано потребительское общество. Однако последовавшие годы Гражданской войны привели к его распаду. В период восстановления ногайских хозяйств на местном уровне было принято решение возродить общество, но уже на новой основе. В 1924 г. появились первые четыре сельскохозяйственные артели и шесть товариществ по совместной обработке земли [16, с. 88]. Создаваемые колхозы не имели материально-технической базы, не хватало сельскохозяйственного инвентаря, у членов товарищества не хватало рабочего скота. В мае 1924 г. было учреждено Ачикулакское кредитное сельскохозяйственное общество «Хлебороб», в которое вошли ранее созданные сельскохозяйственные артели и товарищества. 31 июля на первом собрании был избран совет, правление, ревизионная комиссия и сформированы основные задачи: кооперирование населения всего Ачикулакского района, снабжение населения земледельческими машинами и орудиями, продуктами питания, строительство мельницы и т. д. Примечательно, что не менее половины желавших вступить в члены товарищества не имело возможности уплатить даже вступительный взнос. К 1 сентября 1924 г. оборотный капитал товарищества составлял всего 287 руб. 25 коп. Правление обратилось за помощью в Дагестанский центр и при содействии Ачикулакского животноводческого товарищества в конце сентября получили краткосрочные кредиты на сумму 9 300 руб., ставших основной базой для дальнейшего развития [16, с. 88–89].

В 1924 г. в регионе случился сильнейший неурожай, засуха постигла не только ногайские степи, но и ряд других районов Дагестана. Малопродуктивные ногайские хозяйства снова пришли в упадок. На региональном уровне, ввиду крайне значительного снижения экономического обеспечения хозяйств ногайского народа, особенно пострадавших от неурожая, было принято решение просить центральные власти произвести следующие меры:

- 1) освободить ногайцев от уплаты единого сельскохозяйственного налога;
- 2) распространить на ногайцев действие постановления ВЦИК от 17 апреля 1924 г. о землеустройстве кочевых, полукочевых и переходящих к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской ССР, с учётом особенностей ногайского народа;
- 3) признать необходимым предоставление долгосрочной ссуды ногайцам на восстановление хозяйства и в первую очередь животноводства;
- 4) предложить Земсельхозбанку РСФСР и Дагестанской АССР принять меры к обеспечению ногайцев необходимыми кредитами [9, л. 2].

Обсуждение и решение вопроса о помощи ногайцам затянулось в центральных органах власти. Народный комиссариат финансов СССР, учитывая бедственное положение ногайского народа, не возражал против введения просимых регионом мер. Однако рассмотрение вопроса затягивалось ввиду нецелесообразности вводимых мер поддержки населения по национальному признаку. НАРКомфин рекомендовал внести корректировки в формулировку Проекта. Новая редакция была подготовлена Архиповым и Лившице, которая была представлена в следующем виде: «Освободить в течение 3-х лет 1 000 маломощных хозяйств Ачикулакского района от уплаты единого сельскохозяйственного налога» [9, л. 11–12]. 27 апреля 1926 г. протоколом № 157 заседания Совета народных комиссаров СССР ногайцы Дагестанской АССР были освобождены от уплаты сельхозналога в течение трёх лет [9, л. 14].

Оказанная помощь со стороны государства уже вскоре дала свои результаты. К примеру, численность членов товарищества «Хлебороб» к концу 1924 г. составляла 366 человек, а уже в августе 1926 г. равнялась 1 200 человек. Тем не менее, размер членских взносов оставался довольно высоким — 12 руб. 50 коп., и для закрепления успеха было необходимо его снизить до 7 руб. 50 коп. В 1926 г. товарищество получило ссуды в Дагсельбанке на сумму 20 000 руб. для раздачи членам товарищества на сохранение рабочего скота, т. к. основную тягловую силу в работе обычно составляли волы и лошади. Посев на полях производился вручную. С целью развития методов ведения хозяйственной деятельности ногайцам была предоставлена ссуда на приобретение и ремонт сельскохозяйственных машин и орудий (200 косилок и лобогреек, 52 плугов, 53 борон и 8 веялок), предоставляемых затем населению в аренду [15, с. 466]. Из зерновых культур в ногайских хозяйствах сеяли: озимую пшеницу, озимую ячмень, рожь, яровую ячмень, овёс, просо. Урожайность зерновых была невысока ввиду экстенсивных способов ведения крестьянских хозяйств. Не скованные ограниченностью земельных площадей, ногайцы редко практиковали обычную для Центральной России трёхпольную и технологически правильную многопольную систему. Перспективные показатели были у хлопчатника, который был посеян в Ачикулакском районе в 1925 г. в размере 150 десятин земли. Показав хорошее качество продукции в 1926 г. им было засеяно 612 десятин [33, с. 61].

Проблемными зонами в аграрном секторе оставались вопросы по хлебозаготовке, установлению твёрдых цен на хлеб, своевременной выплате денег за сданный хлеб и прочее. Также не все ногайские хозяйства получали разного рода помощь, оказываемую властями, — чаще всего она касалась лишь исключительно бедных хозяйств. Часть ногайцев не могла обрабатывать землю ввиду непригодности участков, на которых они проживали. С целью облегчения тяжёлого экономического положения было принято решение о необлагаемом минимуме ногайских хозяйств, равнявшегося 400 руб. [23, л. 176].

Кооперация «Хлебороб» занималась внедрением и культивированием новых культур в степи с учётом природно-климатических особенностей региона. Используя песчаные земли в районе, в 1925 г. была проведена подготовительная работа для посадки на них виноградных лоз, а в 1926 г. было заложено пять десятин виноградника. Вопросы мелиорации и электрификации района также находились в его ведении [16, с. 94].

Модернизации подвергалась и традиционная хозяйственная отрасль ногайцев — животноводство. В протоколе губернского совещания зав. орг. отделами Терского губкома и Укомов ВКП (б) от 26.04.1922 г. отмечалось: «Необходимо обратить внимание на Ачикулакский район, славящийся своими великолепными мериносами, разграбляющийся бандгруппами из сопредельных республик» [27, л. 31]. В июле 1923 г. в районе было создано животноводческое товарищество всесоюзного общества «Овцевод». Оно должно было объединить животноводов трёх районов: Ачикулакского, Караногайского и Прикумского. Одной из основных задач, стоявших перед животноводческим товариществом, было увеличение поголовья скота в районе и улучшение его породы. Товариществу была предоставлена ссуда на льготных условиях, в 1924 г. оно получило в кредит 2 800 овец, а на метизацию овец получило за два года (1924–1925) ссуду на сумму 14 332 руб. В Ачикулаке была создана ветеринарная аптека с организованной ветеринарной помощью. Для экономической поддержки животноводства в ногайских степях крестьянам было разрешено держать в личном хозяйстве до 150 овец [24, л. 176]. Однако из 3 763 хозяйств Ачикулакского района в 1926 г. скотоводческими были только 120 хозяйств [16, с. 98–99]. Региональные власти Дагестанской АССР отмечали, что в период земельно-водной реформы, проводимой в республике с 1927 по 1933 г., в Ачикулакском районе перешли в оседлое состояние 3 460 хозяйств. Важную роль в этом сыграло обводнение районов путём сооружения артезианских скважин в степи. Впрочем, как стало известно, реальной целью земельно-водной реформы в Дагестане стала ликвидация диспропорции в землепользовании между разными районами республики, т. е. решение аграрной перенаселённости гор путём освоения горцами земельных фондов на равнине [31, с. 33]. Так, пользуясь слабостью исполкомов в ногайских степях, в регионе появлялись новые общества животноводов, стеснявшие местное население [33, с. 48]. Для урегулирования возникших проблем в пользовании пастбищами было предложено НКЗему в кратчайший срок выслать в Ногайскую степь специальную комиссию [25, л. 608]. По итогам работы в январе 1928 г. комиссия подготовила специальное Постановление Пленума Дагобкома ВКП (б), в котором отмечалось: «При отводе земель, право выбора участков, но без ущерба правильной организации территории, представляется в первую очередь коренному населению, независимо от количественного соотношения землеустраиваемых групп» [26, л. 383]. Тем не менее вопросы землеустройства, землепользования и споры ногайцев с пришлым населением вызвали осложнение взаимоотношений и обострение национального вопроса в степи [5, с. 22].

Трансформация жизни ногайцев Караногайского района проходила в более сложных условиях. На начальных этапах трудности были вызваны «сильным развитием бандитизма главным образом в районе Караногайской волости» [21, л. 36]. В сводках отмечалось, что борьба с разбоем во многом зависит от отношения к этому явлению самого населения, которое, в частности, нередко укрывало у себя грабителей «не выдавая красным властям» [21, л. 36].

В дальнейшем развитие аграрного сектора в караногайских степях тормозилось ввиду специфических природно-климатических особенностей района. Площадь Караногайского района составляла территорию, по разным сведениям, от 914 512 до 1 200 000 десятин земли. Из них сенокос-пастбище составляло 200 000 десятин, пастбище без сенокоса — 250 000, солончаки — 300 000, сыпучие пески — 200 000, пахотоспособными были лишь 50 000 десятин земли [7, л. 19]. По климату Караногайский район отличался засушливостью, высокой летней температурой (от плюс 26° до плюс 30° С) с малым количеством осадков (выпадало 200–300 мг) и с суховеями. Почва района имела следующие свойства: более 1/3 занимали пески, главным образом на юге, на северо-востоке преобладали солонцы и солончаки, на юго-западе — суглинисто-супесчаные почвы, малопригодные для земледелия. Водный режим Караногайского района характеризовался как лишённый рек, бессточная со множеством мелких горько-солёных озёр полупустыня. Подобная природно-климатическая характеристика района в секретной докладной записке давала разъяснение особенностям хозяйственной направленности населения Караногайского района и устойчивости кочевое уклада жизни [7, л. 18].

Основным занятием караногайских обществ до революции 1917 г. и Гражданской войны было кочевое скотоводство. Земледелием караногайцы практически не занимались, хотя попытки превратить их в хлеборобов были. Более плотно земледельческим трудом они начинают заниматься с начала XX в. В 1909–1912 гг. ногайцы, потерявшие свои стада, вынуждены были «селиться мелкими аулами» [7, л. 18]

и развивать подсобное земледелие. В дальнейшем процесс седентеризации населения происходил стихийно, в захватном порядке оседало по 5–10 дворов. Населяемые территории должны были удовлетворять крестьян пастбищным возможностям, иметь источники воды и хотя бы небольшой запас сенокосных угодий [7, л. 16–18].

После принятия мер по седентеризации населения процесс оседания караногайцев начал носить массово-стихийный характер, т. е. аулы создавались по всей степи без учёта качества земель. Некоторые аулы были созданы на сыпучих песках — Бошанский и Сарысуйский сельсоветы. Впрочем, сельсоветы представляли собой лишь зимовки, где ногайцы практиковали первые попытки обработки земли, сажая яровую пшеницу, кукурузу, бахчевые культуры. Урожайность зерновых была невелика, выходило около трёх центнеров с гектара. Вскоре полукочевое население оказалось в очень сложном положении: без воды и кормовых запасов, без возможности развивать земледелие на непригодных для этого территориях, у многих появилось стремление к перемещению аулов на более благоприятные территории [7, л. 16]. По данным 1926 г., 37 % населения Караногайского района продолжало жить в кибитках [16, с. 97].

Традиционные хозяйственные отрасли караногайцев испытывали сильнейшие потрясения в эти годы (см. табл. 2).

Таблица 2 — Кочевое животноводство Караногайского района [7, л. 18]

Годы	Лошади	Верблюды	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Всего
1902	17 306	—	34 400	250 500	302 206
1912	16 000	1 115	63 770	164 600	245 485
1931	4 035	887	20 480	48 931	74 330

Из данной таблицы видно, какое катастрофическое падение поголовья скота происходило у караногайцев в рассматриваемые годы. Подобные тяжёлые последствия складывались под влиянием различных факторов, значительную роль в этом сыграли природно-климатические особенности района в тандеме с земельно-водной реформой, проводимой региональными властями в ногайских степях. Постепенное оседание на равнине необеспеченных земель горных колхозов приводило к нарушению пастбищно-отгонной системы ногайцев, нерациональному использованию пастбищного фонда, опустыниванию ногайских степей [8, л. 26–29].

Животноводческое товарищество, созданное совместно с ачикулакскими ногайцами, должно было кооперировать животноводов и Караногайского района. Однако число членов кооперативов здесь было значительно меньше, чем в Ачикулакском, хотя количество скотоводческих хозяйств, напротив, значительно больше. Кооперирование населения проходило медленно. Местные власти считали, что причиной такого положения выступает зажиточный класс караногайских баев. В связи с этим основным рычагом дальнейших преобразований стали аресты и высылка зажиточных караногайских семей (*байств.* – Прим. А. Д.). Репрессирование и раскулачивание стали одним из методов создания колхозов в степи. Отобранные личные хозяйства кочевников составили основу производственных фондов новых колхозов [13, с. 212–215].

Тем не менее значительная часть населения продолжала вести кочевой образ жизни. Вопрос о переходе к оседлости был вынесен на общественное обсуждение. Большинство населения Караногайского района выразилось за переход к новой форме жизни при условии безвозвратной помощи от государства. Региональными властями был установлен двухгодичный срок перехода караногайцев к оседлости. Местные хозяйства получили безвозвратные ссуды от властей для строительства домов и артезианских колодцев. Всё же переход к оседлой форме жизни затянулся здесь до середины 1930-х гг. [8, л. 26–29]. Создаваемые товарищества по обработке земли, артели и животноводческие кооперации на начальных этапах были нежизнеспособны ввиду сопротивления населения района к проводимым большевистской властью мероприятиям. В целом караногайские общества показали в своём развитии общие тенденции в процессе «советизации» номадов страны, когда власть в погоне за кочевым населением демонстрировала региональные вариации в процессе их седентеризации и последующей трансформации хозяйственной и общественной жизни [1, с. 95–181; 2, с. 27–44; 3, с. 1159–1168; 4, с. 68–72; 28, с. 37–41; 29, с. 31–35; 30, с. 126–141].

Таким образом, переход к оседлому состоянию населения и создание кооперативов в ногайских степях можно рассматривать как подготовительные мероприятия со стороны большевистской власти для внедрения дальнейших изменений социально-экономической жизни ногайцев Северного Кавказа. Коллективизация сельского хозяйства в ногайских степях проходила медленнее, чем в центральных регионах страны, и ногайские районы стали районами сплошной коллективизации лишь к 1940-м гг.

Выводы

1. 1920–1930-е гг. — это период сложных и радикальных трансформаций. Разруха и голод преодолевались в ногайских степях одновременно со строительством советской административной, политической и хозяйственной систем. Модернизация жизни кочевников предполагала седентеризацию кочевского и полукочевского населения, которая происходила в условиях всеохватывающих преобразований по всей стране, создание новой культуры и советского социального ландшафта. Важную роль в этом процессе сыграли

звенья советской системы власти и управления — новые ногайские кадры, которые смогли транслировать в массы идеи советского проекта и осуществлять его в действии на советских началах.

2. Гражданская война, засуха, голод, эпидемия, бандитизм довели ногайцев Северного Кавказа до крайне тяжёлого положения и экономического разорения. Отдельные отрасли ногайских хозяйств безвозвратно пострадали в этот период, сократившись, к примеру, в Ачикулакском районе более чем на 90 %. В сложившейся ситуации меры поддержки, оказываемые советской властью, являлись единственным путём дальнейшего развития и выхода из кризисного положения. Сложность экономического состояния ачикулакских ногайцев объясняет успехи большевистского проекта в трансформации их социально-экономической жизни в 1920–1930-е гг. Ногайцы же Караногайского района на начальных этапах социалистических преобразований пытались сохранять приверженность традиционному укладу жизни, однако к 1930-м гг. они также отошли от кочевой жизни.

3. Важной стороной отношений этнических групп и власти стали непростые природно-климатические условия ногайских степей. Природа и климат губительно вредили ногайцам, которые вследствие наступления природно-климатических катаклизмов теряли практически весь скот и урожай. С другой стороны, именно сильнейшая зависимость населения от природных явлений и климатических особенностей ногайских степей вынуждали региональные и центральные власти создавать особые хозяйственные условия, оказывая дополнительную помощь населению путём выдачи безвозвратных ссуд, кредитов, освобождения от сельскохозяйственного налога и более рационального мелиоративного освоения земель. Тем не менее реализация земельно-водной реформы, осуществлённой в Дагестанской АССР в 1920-х гг., привела к нерегулируемому использованию экстенсивных пастбищных земель со стороны горцев, что значительно повлиало на процесс опустынивания ногайских степей. В 1920–1930-е гг. ногайцы, хотя и находились на этапе модернизации, но оставались практически всецело зависимы от местных природно-климатических и хозяйственных условий.

Список литературы

1. Аманжолова, Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. / Д. А. Аманжолова. — Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 480 с.
2. Аманжолова, Д. А. К вопросу о природно-климатических факторах национально-государственного строительства Казахской АССР / Д. А. Аманжолова // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2020. — Т. 7, № 1. — С. 26–47.
3. Бадмаева, Е. Н. Влияние природно-климатических факторов на хозяйственно-экономическую жизнь калмыков в 1920–1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 1157–1171. — doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1157-1171.
4. Бадмаева, Е. Н. Трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики Советского государства в 1920–1930-е гг.: современное состояние вопроса / Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева // Nomadic civilization: historical research = Кочевая цивилизация: исторические исследования. — 2021. — № 3. — С. 65–78. — doi: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-3-65-78>.
5. Бугай, Н. Ф. 1920-е годы. Образование Союза ССР: конститутивность политики межэтнических отношений в новом формате / Н. Ф. Бугай, Т. С. Бушуева // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2021. — Т. 13, № 4. — С. 16–36. — doi: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-16-36
6. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. Р-1318. — Оп. 7. — Д. 100.
7. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 141. — Д. 1735.
8. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 141. — Д. 2152.
9. ГАРФ. — Ф. Р-5446. — Оп. 7. — Д. 397.
10. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 06.09.1926 г. «Об утверждении Положения о сплошном и обязательном землеустройстве Автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2022).
11. Джумагулова, А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX – начале XX в. / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 7. — С. 377–397. — doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.
12. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / науч. ред. Д. В. Кочура, А. А. Кудрявцев. — Ставрополь : Книж. изд-во, 2002. — 702 с.
13. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР / науч. ред. В. В. Шелохаев. — Москва : Мосгорархив, 2002. — 510 с.
14. Кидирниязов, Д. С. Власть и мусульманское духовенство ногайцев Северо-Восточного Кавказа в 20–30-е гг. XX в. / Д. С. Кидирниязов, Ю. М. Лысенко // Исламоведение. — 2014. — № 4. — С. 38–42.
15. Кудинов, П. Н. Нефтекумье / П. Н. Кудинов. — Астрахань : Новая линия, 2001. — 500 с.
16. Кужелева, Л. Н. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев / Л. Н. Кужелева. — Ленинград, 1964. — 249 с.
17. Панкова-Козочкина, Т. В. Ставропольская губерния на пороге НЭПа: продиалог и проблемы его изъятия у крестьянства / Т. В. Панкова-Козочкина, А. П. Скорик // Российская государственность в судьбах народов Кавказа — XII. — Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2022. — С. 298–315.
18. Рамазанова, Д. Ш. Ногайцы и территория их расселения в политике российского государства на Северном Кавказе в конце XIX – первой половине XX в. / Д. Ш. Рамазанова // Общество: философия, история, культура. — 2018. — № 2. — С. 49–56.

19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 988.
20. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 989.
21. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 1107.
22. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 1113.
23. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 1006.
24. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 1012.
25. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 1021.
26. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 1022.
27. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 31. — Д. 820.
28. Сеницын, Ф. Л. Землеустройство «кочевых» территорий СССР (1920-е – 1930-е гг.) / Ф. Л. Сеницын // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2018. — № 8 (163). — С. 37–41.
29. Сеницын, Ф. Л. Сопротивление кочевников форсированному переводу на оседлость и коллективизации в СССР в начале 1930-х гг. / Ф. Л. Сеницын // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2019. — № 3 (170). — С. 31–35.
30. Сеницын, Ф. Л. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. / Ф. Л. Сеницын // Петербургский исторический журнал. — 2018. — № 4 (20). — С. 126–141. — doi: 10.24411/2311-603X-2018-00077
31. Современная культура и быт Дагестана / ред. колл.: С. Ш. Гаджиева (отв. ред.) и др. — Москва : Наука, 1971. — 239 с.
32. Среди ногайцев, караногайцев и туркмен // Жизнь национальностей. — 1922. — 19 мая. — № 10 (16). — С. 7–8.
33. Уйсенбаев, А. А. Современные этнические и социокультурные процессы у ногайцев: состояние проблемы / А. А. Уйсенбаев. — Москва, 1992. — 152 с.
34. Хубулова, С. А. «Советский проект» и его реализация на Северном Кавказе в 1920-е гг. / С. А. Хубулова // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие / отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. — С. 68–72.

References

1. Amanzholova, D. A. *Sovetskiy proekt v Kazakhstane: vlast i etnichnost. 1920–1930-e gg.* [The Soviet project in Kazakhstan: power and ethnicity. 1920s–1930s]. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2019, 480 p.
2. Amanzholova, D. A. K voprosu o prirodno-klimaticheskikh faktorakh natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva Kazakhskoy ASSR [On the issue of natural and climatic factors of national-state construction of the Kazakh ASSR]. *Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a look into the future]. 2020, vol. 7, no. 1, pp. 26–47.
3. Badmaeva, E. N. Vliyaniye prirodno-klimaticheskikh faktorov na khozyaistvenno-ekonomicheskuyu zhizn kalmykov v 1920–1930-e gg. [The influence of natural and climatic factors on the economic life of the Kalmyks in the 1920s–1930s]. *Vestnik arkhivista* [Archivist's Bulletin]. 2022, no. 4, pp. 1157–1171. doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1157-1171.
4. Badmaeva, E. N., Omakaeva, E. U. Transformatsiya traditsionnykh kochevykh obshchestv Prikaspiiskogo regiona v kontekste sotsialno-ekonomicheskoy politiki Sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-e gg.: sovremennoe sostoyaniye voprosa [Transformation of traditional nomadic societies of the Caspian region in the context of the socio-economic policy of the Soviet state in the 1920s–1930s: the current state of the issue]. *Nomadic civilization: historical research*. 2021, no. 3, pp. 65–78. doi: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-3-65-78>.
5. Bugay, N. F., Bushueva, T. S. 1920-e gody. Obrazovanie Soyuzo SSR: konstitutivnost politiki mezhetnicheskikh otnosheniy v novom formate [Formation of the USSR: constitutivity of the policy of interethnic relations in a new format]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and socio-educational thought]. 2021, vol. 13, no. 4, pp. 16–36. doi: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-16-36.
6. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Found R-1318, inventory 7, case 100.
7. *GARF*. Found R-1235, inventory 141, case 1735.
8. *GARF*. Found R-1235, inventory 141, case 2152.
9. *GARF*. Found R-5446, inventory 7, case 397.
10. *Dekret VTsIK, SNK RSFSR ot 06.09.1926 "Ob utverzhdenii Polozheniya o sploshnom i obyazatelnom zemleustroytve Avtonomnoy Dagestanskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki"* [Decree of the Central Executive Committee of the RSFSR of 06.09.1926 "On approval of the Regulations on continuous and mandatory land Management of the Autonomous Dagestan Soviet Socialist Republic"]. Available at: <https://www.consultant.ru/> (accessed: 15.12.2022).
11. Dzhumagulova, A. T. Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov [Features of the state of the economy of the Nogai societies of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. 2022, vol. 11, no. 7, pp. 377–397. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.
12. *Istoriya gorodov i sel Stavropolya: kratkie ocherki* [History of cities and villages of Stavropol: short essays]. Ed. by D. V. Kochura, A. A. Kudryavtsev. Stavropol: Book Publishing House; 2002, 702 p.
13. *Istoriya politicheskikh repressiy i soprotivleniya nesvobode v SSSR* [The history of political repression and resistance to unfreedom in the USSR]. Ed. by V. V. Shelokhaev. Moscow: Mosgorarkhiv; 2002, 510 p.
14. Kidimiyazov, D. S., Lysenko, Yu. M. Vlast i musulmanskoe dukhovenstvo nogaytsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–30-e gg. XX v. [The power and Muslim clergy of the Nogais of the North-Eastern Caucasus in the 20–30s of the twentieth century]. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2014, no. 4, pp. 38–42.
15. Kudinov, P. N. *Neftekume* [Neftekumye]. Astrakhan: Novaya liniya; 2001, 500 p.
16. Kuzheleva, L. N. *Sotsialisticheskie preobrazovaniya v khozyaistve, kulture i bytu nogaytsev* [Socialist transformations in the economy, culture and everyday life of Nogais]. Saint Petersburg: 1964, 249 p.

17. Pankova-Kozochkina, T. V., Skorik, A. P. Stavropolskaya guberniya na poroge NEPa: prodnalog i problemy ego izyatiya u krestyanstva [Stavropol Province on the threshold of the NEP: food tax and problems of its withdrawal from the peasantry]. *Rossiyskaya gosudarstvennost v sudbakh narodov Kavkaza — XII* [Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus — XII]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University; 2022, pp. 298–315.
18. Ramazanova, D. Sh. Nogaytsy i territoriya ikh rasseleniya v politike rossiiskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v kontse XIX – pervoi polovine XX v. [Nogais and the territory of their settlement in the policy of the Russian state in the North Caucasus at the end of the XIX – first half of the XX century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture]. 2018, no. 2, pp. 49–56.
19. *Russian State Archive of Socio-Political History* (RGASPI). Found 17, inventory 13, case 988.
20. *RGASPI*. Found 17, inventory 13, case 989.
21. *RGASPI*. Found 17, inventory 13, case 1107.
22. *RGASPI*. Found 17, inventory 13, case 1113.
23. *RGASPI*. Found 17, inventory 21, case 1006.
24. *RGASPI*. Found 17, inventory 21, case 1012.
25. *RGASPI*. Found 17, inventory 21, case 1021.
26. *RGASPI*. Found 17, inventory 21, case 1022.
27. *RGASPI*. Found 17, inventory 31, case 820.
28. Sinitsyn, F. L. Zemleustroystvo "kochevykh" territorii SSSR (1920-e – 1930-e gg.) [Land management of "nomadic" territories of the USSR (1920s–1930s)]. *Zemleustroystvo, kadastr i monitoring zemel* [Land management, cadastre and monitoring of lands]. 2018, no. 8 (163), pp. 37–41.
29. Sinitsyn, F. L. Soprotivlenie kochevnikov forsirovannomu perevodu na osedlost i kollektivizatsii v SSSR v nachale 1930-kh gg. [Resistance of nomads to forced transition to settlement and collectivization in the USSR in the early 1930s]. *Zemleustroystvo, kadastr i monitoring zemel* [Land management, cadastre and monitoring of lands]. 2019, no. 3 (170), pp. 31–35.
30. Sinitsyn, F. L. "Pogonya za naseleniem": Sovetizatsiya "kochevykh" regionov SSSR v 1920-e gg. ["The pursuit of the population": Sovietization of the "nomadic" regions of the USSR in the 1920s]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Saint Petersburg Historical Magazine]. 2018, no. 4 (20), pp. 126–141. doi: 10.24411/2311-603X-2018-00077.
31. *Sovremennaya kultura i byt Dagestana* [Modern culture and life of Dagestan]. Ed. by S. Sh. Gadzhieva and others. Moscow: Nauka; 1971, 239 p.
32. Sredi nogaytsev, karanogaytsev i turkmen [Among Nogais, Karanogais and Turkmens]. *Zhizn natsionalnostey* [Life of nationalities]. 1922, May 19, no. 10 (16), pp. 7–8.
33. Uisenbaev, A. A. *Sovremennye etnicheskie i sotsiokulturnye protsessy u nogaytsev: sostoyanie problemy* [Modern ethnic and socio-cultural processes among the Nogais: the state of the problem]. Moscow: 1992, 152 p.
34. Khubulova, S. A. "Sovetskiy proekt" i ego realizatsiya na Severnom Kavkaze v 1920-e gg. ["The Soviet project" and its implementation in the North Caucasus in the 1920s]. *Vzaimootnosheniya sovetskoy vlasti i obshchestva pri realizatsii natsionalnoy politiki 1920-kh gg.: istoricheskaya realnost, pamyat, nasledie* [The relationship of Soviet power and society in the implementation of national policy of the 1920s]. Ed. by V. V. Kasyanov, A. V. Baranov. Krasnodar: Kuban State University; 2021, pp. 68–72.

Информация об авторе

Джумагулова А. Т. — кандидат исторических наук.

Information about the author

Dzhumagulova A. T. — Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.02.2023; одобрена после рецензирования 11.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 23.02.2023; approved after reviewing 11.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.